

Валерий Туров

Протокол Лоза

Валерий Туров

Протокол Лоза

<https://litres.ru/74022768>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мужчина приходит в сознание в чужой квартире — без прошлого, без лиц, без имён. Только имя, возраст и тело, которое помнит войну лучше, чем он сам. На запястье — редкий военный имплант, хранение которого незаконно. В кармане — нож и пара монет. Единственная нить: совет промочить горло. И кто-то очень не хочет, чтобы он вспомнил — достаточно, чтобы открыть за ним охоту. Ему надо по кусочкам воссоздать свою личность и узнать, что стоит за стёртой памятью. Но главный вопрос другой: если он ничего не помнит — почему охота не прекращается?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Туров

Протокол Лоза

Пролог

- Активация протокола "Лоза".

«Протокол "Лоза" запущен. Выберите действие.»

Сухие, мёртвенно-зелёные строчки нейроинтерфейса пробежали перед глазами. Всё было решено до этого, всё отмерено. Иных путей вытравить из башки дерьмо, установленное мнемотехниками, не было.

- Мнемо-хирургия. Частичная амнезия, избирательная амнезия.

Собственный голос казался чем-то необходимым, хотя нейроинтерфейсом можно было управлять и мысленными командами. Как всегда, в периоды принятия решения был лёгкий мандраж: всё ли учёл, обо всём ли позаботился? Решение было единственно верным, вопрос – достаточно ли подстелил соломки?

Браслет пиликнул уведомлением о завершённой задаче и сразу перед глазами пошли зелёные строчки. Пять минут ждал пока распакуется модуль коррекции памяти – даже такая мощная штука как «Скиталец» с трудом переваривала тяжёлые алгоритмы.

«Заряд устройства носителя 98%. Просьба отключить все сторонние задачи или воспользоваться стационарным терминалом для завершения операции».

На браслет уходит мысленная команда потушить всё, кроме «Лозы» и заблокировать все входящие и исходящие соединения. Когда ты сам себе хочешь подчистить память ошибок не хочется.

«Задайте условия мнемо-коррекции».

- Удалить последние три месяца. Удалить все социальные связи.

«Внимание, процесс коррекции необратим. Подтвердите операцию».

Строчки из зелёных окрасились в тревожные багровые тона. Кто вообще проектировал цвет этого интерфейса? Запоздало пришло понимание, что это просто мандраж перед тем, как вырезать себе солидный кусок памяти.

- Подтверждаю.

«Операция займёт 8 часов 32 минуты. В течение этого времени ваше сознание будет не функционально. В течение этого времени ваше тело будет исполнять функции только под контролем вегетативной нервной системы. Пожалуйста, примите удобную позу».

Последние строчки выглядели как насмешка: на восемь с лишним часов превратиться в овощ, утратив всякую дееспособность; риск остаться овощем навсегда, если что-то пойдёт не так. Неудивительно, что люди так и не научились до-

верить железкам. Но другого выбора не существовало.

Бетонный пол неприятно охлаждал затылок, хотя климат-контроль показывал 24 градуса по цельсию. Свет был погашен, дверь закрыта, за окном едва проступали контуры соседней башни. Единственное, что давало какой-то свет в комнате – индивидуальный терминал у стены, но и он минут через пять уйдёт в спящий режим.

Перед глазами на фоне голой стены мерцали две большие кнопки: «ДА» и «ОТМЕНА». Последняя проверка по карманам, что ничего не забыл, оставил все ниточки. «Да».

«Начинаю процедуру мнемо-хирургии. Подготовка модуля управляемого сна. Погружение в сон через 3... 2... 1...

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, рывками. Точнее, ещё не возвращалось. Образы людей – первое и последнее, что я помнил во время мнемо-операции. Люди. Много людей. Некоторых я знал хорошо, но сразу забывал всё о них: почему хорошо, что было с ними связано? Некоторых я даже не помнил. И не мог вспомнить – как будто они были просто статистами жизни.

Много людей и все они уходили прочь. Кто-то уходил быстро, кто-то медленнее. Одна девушка никак не хотела исчезать. Каштановые волосы, стрижка каре, едва заметные веснушки. Она держала меня за руку и смотрела. Ничего не говорила, не двигалась – просто смотрела на меня пока не стала отдаляться. Она не ушла сама, я знал, что сама бы она не поступила так никогда. Её стало постепенно относить от меня вдаль. Она то сильнее отдалялась, то приближалась обратно – я сам не хотел её отпускать. Но уже не помнил почему. Что такого важного было? А она продолжала смотреть, как будто понимала, что иначе я не могу.

Вакуум, всасывающая пустота в центре мозга. Казалось, стоит шевельнуть головой, и она провалится куда-то внутрь. Шея сильно затекла, на лице будто застыла восковая маска. По всему телу пробегали волны спазмов. Я попытался как-то

разлепить глаза и сразу же закрыл их. Было ощущение, что в глаза сыпанули песка. Попытался поднять руку, чтобы хоть как-то протереть глаза и наконец понять, где я и что со мной.

Вставать не хотелось, думать не хотелось. На границе сознания мелькнула мысль, что лежать не удобно. Не моя койка в каморке на базе. Скорее бетонная плита, к тому же холодная. После того как удалось проморгаться я увидел стандартный потолок жилых комнат: бегущие по бетону вент каналы, провода, торчащий в сторону огрызок плафона дневного освещения, не работающий.

Из-за пустоты в голове начало пробиваться беспокойство о том, где я, куда меня забросило. При ближайшем рассмотрении комната не представляла собой ничего интересного – стандартная квартира под ремонт в башне-муравейнике среднего яруса. Стандартная — если бы не одно «но»: она была абсолютно пуста. Такое ощущение, что ремонт здесь никто никогда не делал. Ни столов, ни стульев, ни пищевого процессора, даже комнаты с очистителем не было. Из стены сиротливо торчали трубы коммуникаций, заколоченные каким-то мусором и тряпками. Возле входной двери в стену был вбит кусок арматуры, на котором висел серый плащ-дождевик. Явно мой – чужому тут неоткуда было взяться.

Возле входа валялась куча хлама: разбитые бутылки, куски пластиковых панелей, мотки проводов. Венчал всю эту конструкцию робот-уборщик с раскуроченными внутренностями и торчащим из центра куском арматуры.

Тянущая боль в голове немного отпустила, и инстинкт самосохранения заработал на полную. Во-первых — это не моя квартира, и я не помню, чтобы когда-либо здесь был. Я быстро поднялся, насколько позволяли затёкшие мышцы. Судя по ощущениям, пролежал без движения не меньше суток: всё тело ломало, под кожей бегали маленькие иголки.

Ощупал себя, проводя ревизию: стандартный бронежилет с символом «Шестерни», «Скиталец» на запястье, нож на поясе, в кармане — десяток Осколков, упаковка дешёвых стимуляторов «Восход» и тубик пищевого суррогата «со вкусом кофе и дыма». Другого оружия кроме ножа не было — и это давило на нервы.

Хотя бы руки-ноги целы. Я криво усмехнулся: проснуться в абсолютно незнакомой, убитой квартире, где из всех вещей — только груда мусора, терминал и ты сам — то ещё удовольствие.

Следующая странность обнаружилась, стоило повернуться лицом к окну. Универсальное покрытие было настроено в режим полного светопропускания. Стандартная для подобных башен конструкция: окно от пола до потолка, от стены до стены — одна из стен квартиры, внешняя, превращённая в стекло.

Я осторожно подошёл. Облачности практически не было, смог по утреннему времени был минимальный, и город представлял передо мной в своём истинном свете: островки башен корпоратов возвышались над всем городом на немыслимые

триста-четыреста этажей. Между шпилями башен, где виднелись причальные шлюзы и стыковочные порты, сновали курьерские дроны с посланиями, которые не доверяли сетевым протоколам. Изредка высоко вверху пролетали кортежи с каким-нибудь очередным директором. Интересно, они хоть раз в жизни спускались ниже сотого этажа?

Под шпилями, стараясь прилепиться к ним поближе, поднимались средние ярусы: башни и дома высотой до сотни этажей. Здесь жила основная часть населения города. Самые густонаселённые районы – множество высоких и очень длинных домов, часто довольно толстых, со сложной, лабиринтообразной структурой внутри, куда вмещался почти весь средний класс города. Пронизанные коридорами и тоннелями свободного пространства, по которым были проложены маршруты воздушного транспорта, увенчанные аллеями, парками, иной раз целыми искусственными реками – всё для отдыха и жизни прямо внутри зданий. Многие жители средних ярусов так же, как и верхушка корпоратов никогда не покидали Москвы, никогда не спускались ниже двадцатого этажа, а для детей была отдельная страшилка – спустился ниже двадцатого и тебя украли. Страшилка не безосновательная.

На уровне ниже двадцатого этажа начинался смог Нижнего Яруса: часть предприятий всё ещё чадила после Второго Передела, и никто из корпов или правительства это убирать не собирался. Нижний Ярус – отстойник города. Дома до двадцатого этажа, а по факту и этажи башен средних

ярусов ниже двадцатого, были отданы отбросам общества всех мастей. Исключение составляли только личные корповские башни – у них часто уровень до семидесяти-восьмидесяти метров выглядел как сплошная армированная стена без окон, только с гермоворотами для вылета спецтехники.

И вот на краю видимости, из-за горизонта поднималось солнце, аккурат между ближайшими башнями «Лазурита» и чуть отстоящими от них высотками «Рубина». Поднималось совершенно не там, где должно было бы быть в декабре.

Я ткнул пальцами в стекло, вызывая проекцию стандартного интерфейса жилого модуля. Окно озарилось приятным жёлто-голубым интерфейсом: «Квартира 3412, государственная башня «Golden Gate». На стекле высветилась сводка погоды, последние новости и то, что меня интересовало прежде всего – текущие дата и время. Я хотел убедиться, что глаза меня обманывают и это какая-то злая шутка умного оконного покрытия, проецирующего солнце не на своём месте.

Под ложечкой неприятно засосало.

15.03.2287. 07:45.

Как себя должен чувствовать человек, который уверен, что на дворе середина декабря — и чьё последнее живое воспоминание о том, как он соглашается на экспериментальную работу «Лазурита», — а потом внезапно обнаруживает себя в абсолютно чужой разгромленной квартире три месяца спустя? Вот и я до недавнего времени понятия не имел. По

правде, и не хотел бы иметь.

Я вдавил большой палец в браслет: - Активация, текущий статус и архив за последние сутки .

Перед глазами замерцал зеленоватый, по-военному рубленый шрифт нейроинтерфейса – Скиталец активировался. Никогда не понимал людей, которые постоянно держали нейроинтерфейс включённым, и смотрели на мир сквозь него. Меня это всё время сбивало, отвлекало. Я никак не мог привыкнуть к мысли, что какое-то устройство может проецировать изображение даже не на сетчатку глаза, а непосредственно в зрительный нерв. Не говоря уже о том, чтобы постоянно держать включённым устройство, сопряжённое с твоими мозгами. Безусловно, во время спец-операций, когда это необходимо, браслет был включён и давал невероятное преимущество, но в обычной жизни я старался, выключать все эти современные примочки.

Мой скиталец был настроен так, чтобы в пассивном режиме записывать все события дня, сортировать их, и в конце выдавать краткую сводку по самому важному. Иногда я в него что-то заносил сам, в полуавтоматическом режиме. Но старался никогда не допускать полного сопряжения, чтобы он подключался не только к зрительному нерву, но и к неокортексу. Никакого прямого взаимодействия.

Загрузка наконец завершилась, появились стандартные строчки нейроинтерфейса. Прежде всего я посмотрел на дату и время: *15.03.2287. 07:47*. Ну да, кто бы сомневался. Но

дальнейшее заставило меня сильно напрячься.

Ошибка. Квантовая синхронизация нейро-моста невозможна, требуется подключение к стационарному терминалу.

Какого черта?

- Лог за последние сутки! – чуть не выкрикнул я, хотя Скитальцем можно было управлять и мысленно.

[LOG][AUD] 12.03.87 21:14 // ВХОДЯЩЕЕ СООБЩЕНИЕ. ОТПРАВИТЕЛЬ: Я

Сказать, что Скиталец вёл себя странно – значит ничего не сказать. Такое было возможно только в одном случае: я сам запрограммировал браслет на подобное поведение. От этой мысли стало спокойнее – значит я предвидел и амнезию и то, что окажусь в этой квартире. Уже легче. Осталось понять, что именно я хотел скрыть от самого себя и зачем? Мысленной командой я открыл аудиофайл. Мой голос в файле был какой-то уставший, помятый. Словно мне пришлось принимать решение в жёстком цейтноте. Либо в полностью патовой ситуации.

«Дима... Чёрт, никогда не оставлял послания к себе самому. Как-то глупо звучит. Первое: когда ты проснёшься действительно 14 марта. Не декабрь. Память придётся стереть специально и да, это возможно без того, чтобы мозги превратились в фарш, кто бы что ни говорил. Второе: не знаю заметил ты уже или нет, но социальные связи тоже все стёрты. Иными словами – когда ты слушаешь данное сообщение

ты уже не будешь помнить никого из людей...»

[LOG] 12.03.87 21:15 // ЗАПИСЬ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ. ВОЗОБНОВИТЬ?

Видимо я сам, когда загружал аудио на Скиталец, сделал специальную паузу на подумать. Мысль о людях вызвала мучительный приступ вакуумной боли в центре черепа. Резко заломило в висках. И, как ведро ледяной воды на голову, пришло осознание: никого. В памяти никого не осталось. Я помнил даты, помнил события. Помнил исторических личностей, помнил политиков и девчонку из рекламы имплантов «Нoo-Сфера». Но я не помнил ни одного живого человека, никого с кем общался я лично. Кто давал мне контракт в «Лазурите»? Кто входил в мою команду? С кем я провёл последний год? Кто мои родители? Ничего...

Невидящим взглядом я окинул пейзаж за окном: мимо пронеслись несколько рубинчиков – ярко-красных дров-полицейских, названных так сразу и за характерную форму, и за цвет, и по названию корпорации, которая их выпустила – «Рубин». На здании напротив та самая девушка о которой я только что вспоминал рекламировала свои импланты нового поколения. Внизу, обращённая к жителям нижних ярусов, что-то громко вещала десятиметровая голографическая фигура полицейского – видимо опять программу профилактики включили.

А в голове в это время была звенящая пустота. Я помнил все события так, как-будто я был их единственным участни-

ком там, где это было возможным. А где было не возможным, были провалы в памяти. Впрочем, я поймал себя на том, что общее ощущение, что именно происходило в такие моменты я знаю. Как результат. «Я договорился пойти в бар». С кем договорился? «Я выпил в баре и обсудил задание». С кем выпил?

Головная боль только усиливалась. Скиталец, который был в активном режиме, сразу вывел предупреждение об опасном скачке гормонов и посоветовал успокоиться. Как же...

- Возобновить.

«Очухался?»

Мне показалось, что я сам на записи как-то очень коряво, горько усмехнулся. Пусть это была аудиозапись, и я не видел своего лица, но ощущение разбитости в собственном голосе читалось явно.

«Квартира снята до пятнадцатого - ты должен провалиться 8 часов, но мало ли что. Я не могу раскрыть тебе все карты, не могу рассказать всего – тебя сразу отследят. Если не сдохнешь – сам поймёшь как и почему. Главное, что тебе нужно знать на текущий момент: Скиталец принудительно заблокирован, чтобы его не отследили. Прежде, чем пойти на разблокировку, запасись снаряжением и союзниками – за тобой уже идёт охота. Не удивляйся своему отражению – внешность я изменил на нижнем ярусе. Все знакомства, все социальные связи нужно будет нарабатывать заново. Если полу-

чится собрать старую команду – это будет чудом, но я в себя верю. Шестерня не подведёт. И последнее – промочи глотку, десяток осколков я тебе оставил... Удачи, Старшой.»

[LOG] 12.03.87 21:17 // КОНЕЦ АУДИОСООБЩЕНИЯ.

[LOG] 15.03.87 07:53 // АУДИОСООБЩЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНО СТЁРТО.

Вот и весь лог. Я ещё на удачу мысленными командами попытал браслет в надежде, что в нём остались данные за предыдущие дни, которые могли бы пролить свет на мою ситуацию. Но, как я и подозревал, память устройства была чиста.

Шумно выдохнув, я сел на пол привалившись к стене и бездумно глядя в окно. Город никогда не спал, ему дела не было до меня – человека без последних трёх месяцев и вообще без кого-либо в жизни. Внезапно накрыла волна паники, жёсткая, бьющая по нервам, заставляющая мышцы скручиваться в канаты от напряжения – как будто по телу пропустили разряд тока. Стало так жутко, что захотелось выть, спрятаться, забиться в тёмный угол в каком-нибудь контейнере, чтобы никто не нашёл меня. Я сжал зубы и с силой ударил затылком в стену. От боли стало немного полегче, пришло осознание: слова учёных, что человек остросоциальное существо - ни разу не байка. Просто мало кто из людей оказывался в ситуации, когда нет вообще никого. Не кратковременный кризис общения, при котором затворник не выходит

на улицу неделю-две – он всё равно знает, что у него в жизни есть и были люди. А выкорчеванные из жизни вообще все связи. Полная пустота. В том числе и отсутствие шаблонов поведения и общения со всеми знакомыми – то, что и делает нас частью общества.

Стереть собственную память зачем? Что в ней было такого, что мне потребовалось обнулять себя самого. Хуже всего было то, что я не знал, что делать и с чего начать. Раньше, я это помню, все было просто. У меня есть команда, у нас есть заказы. Если есть заказы, значит есть заказчики. Мы выполняем работу, получаем деньги, живём дальше. Сейчас дело обстоит так, что на меня уже открыта охота, я не знаю кем. Я не знаю за что. И главное, не с кем посоветоваться, потому что никого вокруг.

Минута рефлексии прошла, и я понял, что направление у меня было: я сам себе сказал промочить горло. Вполне вероятно, что в баре меня могла ждать подсказка, какая-то наводка. Ещё вспомнились мои же слова: «За тобой уже идёт охота». Не стоило задерживаться здесь, тем более что я провалялся на сутки дольше запланированного.

Как будто подтверждая мои мысли от умного оконного покрытия раздался синтезированный голос: - Оплаченное время пользования квартирой закончилось. Пожалуйста, внесите абонентскую плату.

Черт бы их побрал, эти крохоборные квартиры, с подневной тарификацией. Я понял, что оплаченное время съёма за-

кончилось и что мне ненавязчиво намекают покинуть помещение, пока сюда не появился дроид-консьерж – здоровая, тупая и до нельзя антивандальная железка, которая будет мягким манипулятором постепенно выдавливать не заплативших к выходу. Стандартная практика для съемных квартир.

Я в последний раз проверил снаряжение и пошёл к двери. Накинул поверх бронежилета плащ, чтобы как-то скрыть его очертания и толкнул дверь наружу, в коридор.

- Папаша, притормози-ка, дело есть. Дай посмотреть, что у тебя там?

Только дверь закрылась за моей спиной и щёлкнул автозаямок как из-за угла сразу вывалилось, иначе не скажешь, два тела. Обычный гоп-стоп. Не удивлюсь даже, если они как-то связаны с арендодателем этой квартиры, в которой я себя обнаружил и действуют по наводке. Оба одеты типично для жителей Нижних Ярусов: старые потёртые штаны универсального комбинезона рабочего с прорезиненными вставками на коленях, вытянутые майки, куртки-робы все в масляных пятнах и потёках. Оба бритые с татуировками на лице и ещё старыми разёмами на висках под импланты. Если первый, говоривший, ещё был более-менее вменяем, то от второго явственно несло дешёвым пойлом.

- Папаш, дело есть. Дай кармашки проверить. Не жмись, не жмись.

Говорил парень очень быстро, как будто скороговорку вы-

говаривал, и довольно невнятно. Уследить за потоком его слов было проблематично.

- Мы, папаш, тут, типа, за квартирками смотрим, да. Гостей встречаем-провожаем, шустрим, когда надо. Тут квартира, типа, под нами. Так что, папаш, давай посмотрим, что у тебя и как, да?

Я развернулся к ним навстречу. Вот и первые люди, которых я встретил в новой жизни. Ощущения были странные. Вроде бы я знал, что у меня было не мало знакомств за мою жизнь. Вроде даже были очень близкие знакомства. По крайней мере у меня была в этом уверенность. Но вот так остаться без памяти о любых людях и возвращаться к общению с миром через то, что первым было мне подброшено судьбой – обычных гопников... На ум пришла невесёлая мысль об искуплении грехов и о том, что общение с нормальными людьми ещё надо заслужить.

- Шли бы вы отсюда, ребят. Нечего вам здесь делать, спускайтесь вниз, откуда пришли.

- Нам и тут хорошо, папаш. Я ж говорю, шустрим мы тут, когда надо, да? Дай денег, да? Помоги здоровье поправить. Братку моему здоровье поправить надо, папаш, да.

Говорил он нагло, развязно, задира голову кверху, чтобы смотреть с высоко. И пока строчил словно из пулемёта слова, всё время потихоньку приближался ко мне. Тактика понятна – встать вплотную, надавить, пользуясь численным перевесом, даже с учётом того, что второй сейчас ни на что

не способен.

Камер на этаже видно не было, видать эта часть башни, пусть и находилась на 34 этаже, не была такой уж благополучной, раз эти типы тут ошивались. Вокруг царил относительный порядок, какой можно поддерживать автоматикой. Мусора на полу не было, стены были относительно чисты – несколько граффити были либо недавние, либо выполнены особо въедливой краской, светильники были целы.

Я не стал подпускать его близко – прямой пинок ногой, носком ботинка прямо под солнечное сплетение, и гопник, спрятав живот в своих руках, оседает на пол попутно пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха. Второй неловким движением вытащил из кармана куртки нож и попёр на меня, делая широкие, размашистые удары. Я, не особо напрягаясь, перехватил его руку с ножом, выкрутил и другой рукой ударил ладонью в ухо. Нападающий сразу обмяк и начал сползать вниз. Я не стал ему мешать, только направил его движение ближе к стенке, чтобы не загораживал коридор. После чего подошёл к первому парню.

- Где тут у вас ближайшая забегаловка? Горло промочить?

Тинейджер всё ещё дышал через силу и хватал ртом воздух, но уже почти восстановился. Мутным взглядом с ненавистью посмотрел на меня, после чего рванулся, пытаясь вцепиться мне обеими руками в шею. Пришлось снова успокаивать парня коленом в пах. Подождав пару секунд пока он снова осядет на пол, я взял его руку на излом и прижав её

повторил вопрос. В этот раз он был более сговорчив:

- За поворот, папаш, потом идёшь до упора, да, пока не упрёшься в стену. Та два коридора, папаш, – налево и направо. Тебе направо и третий поворот налево... уууу, пусти, папаш!

- Дальше.

- Всё, папаш, всё, да! Бар «Отсек 34». Минут за пять дойдёшь, да!

Невероятно, как иногда болевые ощущения стимулируют мозговую деятельность. Отпустив руку парня, я пошёл в указанном направлении.

В целом внутренности башни производили двоякое впечатление: с одной стороны довольно близко к Нижним Ярусам, с другой стороны, подобие порядка и приличной жизни здесь всё же было. Тут снимали и имели свои квартиры либо студенты, либо люди, которые не очень много зарабатывали в этой жизни. Не специалисты, скажем так. Но и не отбросы общества.

Повернув второй раз направо, я прошёл мимо робота уборщика, который чистил стены. Как я и догадывался, граффити здесь было не мало. За роботом оставалась девственно чистая, как новенькая, стена. Ещё одно неудобство жить на не самом богатом уровне – пока робот проезжает мимо твой квартиры и чистит твою дверь – она принудительно блокируется и всем абсолютно всё равно, если ты хочешь вот прямо сейчас куда-то выйти. Над дверью внутри квартиры

за десять минут до робота включает сигнальный светодиод, который предупреждает о предстоящей блокировке двери.

После очередного поворота я увидел вывеску бара «Отсек 34». Вход и всё убранство было стилизованно под шлюз космической станции рудокопов: куча железа, арматуры, световых панелей, свисающих шлангов и каких-то проводов, которые в данном случае не несли никакой функциональной нагрузки. Бармен за стойкой методично протирал тряпицей стаканы, не обращая ни на кого особого внимания. Откуда-то с потолка сквозь декор лилась приглушённая музыка.

Довольно чистое и опрятное заведение, для этого уровня. По крайней мере следов подпалин от сигарет на столах было не так много, как я представлял изначально. В голове крутилась навязчивая мысль, что я тут уже бывал и не раз: как в течение последних трёх месяцев, так и в прошлой жизни. В любом случае, после того как я сам себе изменил внешность нечего было рассчитывать, что меня кто-то узнает, а самому лезть на рожон, когда за мной идёт охота – такое себе занятие.

Пройдя к стойке, я выложил два осколка.

- Пива.

Бармен молча взял чистый стакан. Из-за его спины сразу вылетела плоская плашка рекламного дроида. Зависнув передо мной на мгновение, дроид спроецировал под собой рекламный голографический плакат, а из его динамиков раздался хорошо поставленный мужской баритон: «*Балтика*

2287. *Классическая рецептура. Синтезировано в Москве.*» На рекламном плакате была изображена стеклянная бутылка с янтарного цвета жидкостью в окружении золотых колосьев. В реальности, понятное дело, от колосьев в этой жидкости не было и следа.

Сделав пару глотков пива, я развернулся в пол оборота за стойкой и окинул взглядом зал. Редкие по утреннему времени посетители, за дальним столом два студента спорили о чём-то своём. В бар вошёл, судя по одежде, техник настройщик Среднего Яруса – небольшой чемодан с инструментами, диагностическая дека, пристёгнутая на запястье и куча торчащих из карманов проводов с клеммами. Невольно проследив за тем, куда он идёт я столкнулся взглядом с женщиной, сидящей за одним из столиков и чуть не поперхнулся пивом – голову в самом центре, как утром до этого пронзила вакуумная боль. Кажется, у меня появился механизм узнавать с кем я был знаком до амнезии.

Глава 3

Женщина выглядела достаточно заурядно: невысокая, худощавая, крепкого телосложения. Тёмные волосы небрежно собраны в хвост. На вид около 35 лет. Взгляд острый, оценивающий. Стандартный жилет аварийных медицинских служб с белым крестом и синей каймой— такие выдают всем мед-оперативникам корпоратов. На плече нашивка в виде медной шестерёнки. «Шестерня не подведёт», пронеслись у меня в памяти мои же слова в аудиопослании.

Парень-настройщик, шедший к ней, едва ли не с середины бара громко привлёк её внимание.

- Вика! Ты опять здесь?

Имя неприятно резануло по памяти — как будто чужое, неправильное. Что-то не складывалось в ощущениях, которые вызывала эта женщина у меня. Как-будто её должны были звать по-другому.

Я продолжал неспешно потягивать дрянное пиво иногда бросая взгляд на женщину и её собеседника-техника. Голова болела сильно, вспышками, каждый раз, когда я переводил взгляд с Вики на парня и обратно.

Бармен, услышав имя, криво усмехнулся.

— Что-то она действительно... Вчера с самого утра сидела, сегодня чуть свет появилась. Как будто ждёт кого-то, только не знает когда этот кто-то придёт.

- А раньше она здесь бывала? – я решил выяснить подробности, пока бармен был расположен болтать.

- Иногда, со своей командой. Я так понял, наёмники какие-то. Называются «Шестерёнка» или «Шестерня», что-то вроде этого. Сначала то захаживали регулярно: то обсуждали что-то, то праздновали. А последние месяца три пропали, я уж думал всё – нарвался танк на Циклопа. А позавчера – ты гляди, эта их медичка появилась и до самого вечера не уходит, просто сидит и в планшете копается.

Я наблюдал за ними, стараясь не привлекать внимания и продолжая прикладываться к стакану. Расстояние было небольшое, но за музыкой слова долетали обрывочно. Явно было видно только то, что женщина раздражена: активно жестикулирует и говорит на повышенных тонах. В какой-то момент до меня долетел обрывок фразы.

- Не знаю! Он сказал ждать здесь!

Парень в ответ примирительно поднял руки, видимо пытаясь её успокоить. До меня долетели слова про пятый этаж и какого-то менялу. Бармен, которому из-за стойки было лучше слышно парочку, усмехнулся.

- Жмых-меняла. Известная личность внизу.

- Знаешь что-то про него интересное?

- Да кто ж его у нас не знает. Ты, видимо, из другой башни?

- Вроде того, - многие люди, особенно в корпоративных, не государственных, башнях могли родиться, вырасти, про-

жить всю жизнь и умереть так ни разу и не покинув башню, ни разу не ступив на землю. Легким путешествием на выходные считалось слетать на экскурсию в другую башню. Вылазка в Центральную Рекреационную Зону считалась шиком отдыха. Тех же, кто вылетал за пределы города, считали экстремалами, хотя в целом жизнь в России никуда не пропадала – просто гиперполис накладывал свою специфику.

- Так что там с менялой? – напомнил я бармену, который, казалось, ушёл в свои мыли.

- Да, так вот! Он уже лет пятнадцать сидит в своей конуре, торгует информацией с Нижними и с корпами. Говорят, за всё это время он не то, что из башни, из каморки своей ни разу не выходил! Хорошо устроился, между прочим, - бармен отставил стакан и наклонился ко мне ближе. – Ходят слухи, что он знает столько, что его уже не хотят убирать ни Нижние, ни корпы – он всем нужен. Или же если кто-то попытается его убрать – за него сразу впишется другая сторона.

- Примечательная личность, я смотрю.

- Не то слово! – бармен выглядел очень довольным. Было видно, что в утренние часы его разговорами особо не развлекают и он был рад поболтать хоть с кем-то. – Позавчера, кстати, обсуждали, что кто-то из этих ребят, - он кивнул в сторону общающихся женщины и парня-техника. – Наведался к Жмыху пару дней назад. А потом к нему заявили Серые и попытались толстяка прижать. Ничего у них не вышло, конечно. Но, поговаривают, что если бы мы были в Лазури-

товой башне, то Жмыха бы уже не было.

Серыми называли оперативников и ищеек БВК – Бюро Внутреннего Контроля, отдельного подразделения Лазурита, которые занимались в том числе и грязной работой для своей головной фирмы. Среди них были как классические детективы, так и подразделения специального назначения, которые комплектовались исключительно людьми, без роботов. Матёрые профессионалы. Если ты перешёл дорогу БВК, то единственный способ остаться в живых, чтобы за тебя вписались другие корпораты или нанять в охрану ребят из Ратибора. А это себе мог позволить далеко не каждый.

За последующие минут десять я узнал подробности о работе это Жмыха. Бармен отдельно напирал на то, что если нужна правдивая информация, а не то, что выкладывают в сеть, то лучше идти к нему.

- Правда за всё приходится платить, сам понимаешь. Просто так он не работает, - бармен мне заговорщицки подмигнул. Стало ясно, что он меня уже записал в закадычные друзья. Либо, чего тоже нельзя было отрицать, предыдущий я и с этим барменом договорился. Но в такое, зная себя, я уже не верил – слишком тонкая партия.

В этот момент техник, разговаривающий с Викой, хлопнул ладонью по столу.

- В общем я тебе своё мнение высказал: бессмысленно сидеть и ждать вечно. Он либо мёртв, либо почти мёртв, - затем наклонился к женщине ближе. - ...уже не выберешься.

Женщина сидела со скрещенными на груди руками и смотрела на собеседника исподлобья. Было видно, что слова парня ей не доставляют ни малейшей радости. В её взгляде читалось упрямство, нежелание соглашаться со словами собеседника и вместе с тем горечь. Техник же встал со стула.

- Я пошёл, Вик. Если что – пиши. Работа верная, не прогадаем. Ты знаешь меня.

Парень прошёл мимо и на его плече, которым он теперь был повернут ко мне, я увидел ту же нашивку в виде шестерёнки медного цвета. Голову снова резануло болью. Что ж, по крайней мере я понял, что и с ним я тоже был знаком.

После того как техник ушёл женщина осталась сидеть за столом. Сначала она понуро опустила голову на руки, потом достала планшет и стала что-то в нём просматривать.

Я же в задумчивости смотрел в свой стакан с остатками пива на дне. У меня было стойкое ощущение, что это я сказал Вике ждать тут в баре. Ждать меня. Хотя я и не помнил её, но при любом, даже случайном взгляде на неё у меня начинала болеть голова. Но подходить к ней прямо сейчас было бессмысленно: «Привет, я Дмитрий, я думаю, что это я был руководителем Шестерни». Пошлёт, да и дело с концом.

С другой стороны, не случайно ведь бармен мне так проталкивал этого Жмыха. Была в этом во всём какая-то неувязка. Складывалось стойкое ощущение, что мне подготовлена дорожка, пройдя по которой я смогу... Что? Восстановить память? Понять, что произошло? Узнать кто за мной охо-

тится и надрать ему задницу? И если сидящая третий день в баре Вика ещё была похожа на чисто мой ход – довольно прямолинейный и грубый, то подобное программирование бармена – уже нет.

Но в любом случае делать что-то надо было и если к Вике я сейчас подойти не смогу, то уж поговорить со Жмыхом определённо стоило.

Я отставил пустую кружку.

- Спасибо, - кивнул я бармену.

- Заходи почаще, я всегда рад хорошему собеседнику. Вечером у нас здесь болеелюдно, много интересных личностей можно встретить, - бармен с явным сожалением снова вернулся к протиранию стаканов.

Выйдя из бара, я отправился к лифту на спуск, благо бармен снабдил меня подробным описанием как попасть к Жмыху-меняле. Вот тоже странность. Зачем мне эта информация? Но тем не менее информация поступила, и я ей воспользуюсь.

Я зашёл в лифт и вдавил кнопку двадцатого этажа. Память была сильно фрагментирована – этот лифт я помнил, причём помнил, что спускался и поднимался на нём не один десяток раз. Кажется, вот эту царапину на стенке в своё время я и оставил ножом – на кого-то злился. А вот бар «Отсек 34» не помнил вообще, хотя по словам бармена мы часто там отдыхали и планировали наши дела. Видимо, дело было в том, что в лифте я мог ездить один, без людей.

Мягко затормозив, кабина лифта остановилась на двадцатом этаже – самый нижний куда можно было спуститься здесь, дальше нужно было пересаживаться. Выйдя из лифта, я сразу попал в людской водоворот: ТПУ Золотых ворот – один из самых загруженных в городе. Внешне это напоминало огромную дыру, тоннель, ангар, пронзающий башню от края и до края, высотой метров сорока в высоту. На разных уровнях висели платформы, к которым вели эскалаторы и аэролифты. Одновременно на станцию приходило и уходило несколько поездов, которые затем улетали в другие башни, в основном к двум ближайшим: Лазурит и Рубин.

Повсюду пестрели рекламные вывески и проецировались огромные голографические фигуры, рекламировавшие всякую всячину. Если у человека был подключён нейромост для сопряжения с окружающим миром, можно было переключаться между рекламными объявлениями просто переводя взгляд с одного на другое – на нейроинтерфейсе сразу проецировалась дополнительная информация, а в ушах начинало звучать аудио конкретно этой рекламы, не мешая остальным.

Тысячи человек одновременно спешили по своим делам. Людские потоки свивались в тугие струи и растекались маленькими ручейками по своим транспортным каналам. Всё же наследие эры ИИ давало и свои плюсы: человеку такое спроектировать практически не реально, в то время как квантовый ИИ смог организовать людские потоки так, что

система ещё долго будет работать без сбоев.

Миновав основной транспортный хаб, я, следуя указателям, свернул в секцию транспортного узла Нижнего Яруса - ответвление от основного ангара в котором обслуживались не столько людские потоки, сколько это было место перевалки грузов и всякого рода техники. Здесь уже ощущалось дыхание Нижних Ярусов: стены были частично разрисованы граффити, пара рекламных конструкций стояли обесточенными, повсюду сновали автоматизированные погрузчики, ворочавшие многотонными контейнерами словно пушинками. На входе в лифтовый кластер, через который нужно было попадать вниз простым смертным, был организован блошиный рынок дельцами снизу.

Как всегда, в подобных местах тут было много сомнительного вида личностей, которые щеголяли кустарно выполненными имплантами и протезами. Я знал, что ниже будет хуже. Для многих выходцев из Нижних Ярусов дорога наверх была закрыта именно потому, что внизу часто ты не мог выжить без грубо сделанных имплантов – так называемая «природная медицина» была недоступно дорога. А когда у тебя половину черепа занимает железная банка никто тебя на работу даже на среднем ярусе не возьмёт.

Уже почти миновав стихийный рынок, я заметил оживление на противоположном конце рынка. Сквозь толпу шёл патруль Серых: шесть спецназовцев БВК в боевой выкладке

двигались по рядам рынка тщательно осматривая окрестности, как-будто кого-то искали. Я не стал искушать судьбу и зашёл за ближайшую палатку, продолжив движение в сторону лифтов.

Само по себе появление усиленного патруля Серых очень напрягало. Все события этого утра складывались в довольно мрачную картину: я сам себе говорил, что за мной уже открыта охота; бармен, который явно вёл меня к Жмыху и рассказал, что на последнего наехали Серые; теперь патруль. Не то, чтобы им было запрещено появляться в государственной башне – как раз наоборот существовал договор между правительством и корпоратами о добровольной помощи последних в поддержании общественного порядка. На деле же государственные башни патрулировались исключительно силами полиции.

И один момент резанул по моему чутью: в патруле не было не то, что АБСок, а даже простейших дронов наводки. Было во всём этом что-то очень неправильное.

Миновав рынок, я наконец достиг лифтового кластера, который был своеобразной улицей с несколькими барами, кафешками и небольшой рекреационной зоной с зелёными насаждениями. Вдалеке виднелся выход на открытое пространство, где сновали туда-сюда транспортные летающие платформы развозящие грузы по всему городу.

Найдя свой лифт, я, наконец, спустился на пятый этаж, который внешне тоже нельзя было назвать обычным этажом

– это тоже был своего рода ангар, ещё одно общественное пространство внутри здания, правда теперь без рекреаций и открытого неба. Длинный, высотой метров пятнадцать, тоннель, который уходил влево и вправо на добрый километр. Можно сказать отдельный бизнес-район Нижних Ярусов внутри башни и её агломераций.

Здесь уже царила совершенно иная жизнь. Повсюду была грязь, мусор, ржавые транспортные контейнеры штабелями стояли прямо посреди площади. Тяжёлый влажный воздух, в котором читались нотки машинного масла, жжёной проводки и гниющей органики: то-ли вентиляция не справлялась, то-ли, что более вероятно, частично вышла из строя и никто не спешил её чинить. Под контейнерами в армобетоне были прорублены аккуратные канавки ведущие к сливным решёткам. Задумка была хорошая, жаль, что сейчас эти канавки большей частью были забиты. Освещение было очень тусклым, в основном идущим от всевозможных вывесок и фонарей. Централизованное потолочное освещение не работало.

На ум неожиданно пришло воспоминание из детства, когда я смотрел обучающий фильм о жизни до эры ИИ в котором показывали старинные фотографии африканских трущоб и рассказывалось как там плохо жилось и что сейчас такого уже никогда не будет. Кто бы знал, что трущобы внезапно переедут к нам в крупнейшие мегаполисы и будут находиться прямо у нас под ногами.

Если это пространство и задумывалось раньше как-то по-

другому, то теперь ничего этого уже не было. Основной строительной единицей здесь был стандартный морской контейнер, который по слухам изобрели ещё три века назад. На пятом этаже была своя атмосфера, свой кустарный бизнес-центр. Здесь можно было получить любые нелегальные услуги, при чём качество, если ты был готов платить, было не хуже стерильных техно-центров башен корпоратов. Только тут у тебя не спрашивали кто ты и зачем тебе нужна та или иная аугментация. Видимо где-то здесь я и сменил себе лицо два дня назад.

Что самое интересное, найти в этом мини-городе место, где обитал Жмых не представляло труда: прямо напротив выхода из лифта почти под самым потолком горела огромная ярко-оранжевая неоновая вывеска: «Жмых-меняла» и стрелка, указывающая куда-то направо и вниз, в сторону особенно большой кучи контейнеров. Действительно, примечательная личность, как и говорил бармен.

Миновав попрошаек, сидящих на выходе из лифта, я направился в указанном стрелкой направлении. Добраться до места, указанного стрелкой, не составило никакого труда. Контейнеры стояли не хаотично, как могло показаться на первый взгляд, а явно продуманно: тут были и свои проспекты, и небольшие переулки.

Помимо больших проспектов было очень много узких щелей-проходов между самими контейнерами, которыми всю пользовались местные. И ещё одна деталь, которую

сложно было скрыть: напротив закрытых дверей некоторых контейнеров пространство было свободно и расчищено, безо всякого мусора. Словно эта дверь должна иметь возможность открыться в любой момент. Автоматические турели. Становилось понятно – если сюда с облавой сунутся корпораты, тут им ловить будет нечего.

Вход в каморку Жмыха был обставлен... можно это назвать «шикарно», если это слово применимо к Нижним Ярусам. На небольшой импровизированной площади стояли столики с пластиковыми стульями, на которых сидели местные. За столиками виднелось два входа в контейнерные здания. Один был явным входом в местный бар: дверей не было, изнутри доносилась музыка, прямо над входом висела неоновая конструкция в виде бутылки. Возле второго входа стояли кожаные диваны, между ними были левитирующие хромированные столики, а над диванами в таких-же левитирующих горшках росли живые растения. Как они здесь выжили – оставалось загадкой, но сразу было видно, что за дверью живёт не простой человек. Над дверью, выполненная из оранжевого неона, висела надпись «Жмых».

Я было направился напрямую к этой двери, как вдруг со стороны диванов меня окликнул довольный голос.

- О, какие люди! Папаша сам пришёл к нам! Мутный, ты помнишь папашу, да? Пару часов назад с ним виделись!

С одного из диванов резко поднялся недавний бритый тип, который пытался пошарить у меня по карманам.

- Что, папаш, не ожидал, да? Удалось промочить горло? Мне прям хочется посмотреть, папаш, как ты теперь выкрутишься, да?

На диванах расположилось человек семь, и парень явно чувствовал за собой силу. Стая, где каждая шавка по отдельности не представляла угрозы, собравшись уже могла загрызть большую добычу. Не успел я решить, что ему можно ответить, как спасение пришло само: из двери, куда я направлялся, уверенным шагом вышла девушка: ярко-фиолетовые волосы; выбритая, с одной стороны, голова; вместо левой руки – роботизированный протез. На Среднем Ярусе могла бы быть миловидной, но впечатление разбивалось о тяжёлый, гипнотизирующий взгляд.

- Сядь, Трепло.

- Но, Кобра, этот тот папаша, который на нас с Мутным наехал! Мы просто там стояли, стену подпирали, да, а он нас вырубил!

- Трепло! Сядь.

Последнее слово она буквально процедила сквозь зубы, и парень с явной неохотой убрался с моего пути.

- Ты кто? – спросила она, обращаясь ко мне и подходя на расстояние вытянутой руки. Было в её голосе что-то гипнотическое, властное. Становилось понятно, за что её прозвали Коброй.

- Я к Жмыху.

- Срань корпская, ты на себя посмотри, чистенький. Ясен

хрен, ты к Жмыху, я спрашиваю кто ты?

Сразу после того, как я увидел вывеску на весь пятый этаж я понял, что на пути к Жмыху меня наверняка остановят и будут спрашивать кто я и от кого – просто так к знаменитой личности не пустят. Сначала в голову ничего не приходило, а потом я понял, что я не мог не предусмотреть такого сценария и решил сказать единственное, что знал о себе самом и что почти наверняка и служило тут пропуском.

- Я из Шестерни.

На местных бандюганов это, казалось, не произвело никакого впечатления, а вот Кобра прищурилась и оценивающе посмотрела на меня. Ей как раз было что-то известно.

- Докажи, - коротко бросила она.

Я раскрыл посвободнее дождевик, в котором всё так же шёл и показал на бронежилете нашивку в виде медной шестерёнки.

- Кобра, да что ты его слушаешь? Залётный папаша, да! Грохни его, смотри какой броник! Мне нужен, да! Ещё в карманах у него есть что пошарить, да. Надо посмотреть, что у него там. Папаш, выворачивай карманы, что стоишь, да?

За время, которое нужно обычному человеку, чтобы сказать пару слов, Трепло успевал выплюнуть пару десятков. Не удивительно, что его так прозвали. Он снова вскочил с дивана. Двигался он не столько быстро, сколько суетливо и как-то дёргано. Попытался приблизиться к нам с Коброй, но та, неожиданно резко и без замаха заехала парню железной ру-

кой под дых, после чего отпихнула того обратно к диванам. Ещё раз посмотрела на нашивку, на меня и наконец отодвинулась в сторону: - Проходи.

На этот раз пронесло мимо разборок.

Я прошёл мимо Кобры к контейнеру. Автоматическая дверь при моём приближении отъехала в сторону, пропуская меня. И не успела она за мной закрыться, как из глубины контейнера я услышал довольный мужской голос:

- Ну здравствуй, Старшой. Давно, ха-ха, не виделись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.